

Таша Кориелл

**Любовные
письма
серийному
убийце**

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
К66

Tasha Coryell
LOVE LETTERS TO A SERIAL KILLER
Copyright © 2024 by Tasha Coryell

Кориелл, Таша.
К66 Любовные письма серийному убийце / Таша Кориелл ; [перевод с английского Т. Масленниковой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с. — (Tok. Red flag триллер).

ISBN 978-5-04-206384-8

Тридцатилетней Ханне Уилсон катастрофически не везет в личной жизни. Единственное ее утешение — форумы о реальных преступлениях, которыми она буквально одержима. Как раз сейчас там расследуют серию жестоких убийств в Атланта...

А потом по этому делу арестовывают красавца-адвоката Уильяма Томпсона. Ханна не придумывает ничего лучше, как написать ему письмо. Но она никак не ожидает, что Уильям ей ответит... И с каждым новым письмом Ханна все больше проникается к нему симпатией.

Неожиданный поворот в деле не оставляет сомнений у присяжных: Уильям невиновен. Теперь влюбленные могут начать жизнь с чистого листа. Но новые улики, указывающие на его причастность к убийствам, заставляют Ханну взять расследование в свои руки и выяснить, действительно ли ее парень является серийным убийцей.

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-206384-8

© Масленникова Т., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

*Посвящается всем,
кого недооценивали*

Часть первая

1

Местонахождение неизвестно

Я не планировала влюбляться в серийного убийцу. Тем не менее сейчас мои лодыжки и запястья привязаны к стулу, и винить я могу только себя.

Я сижу в тускло освещенной комнате с белыми стенами, флуоресцентными лампами и серым ковролином с геометрическим рисунком на полу. Напротив меня — окно, которое позволяет понять, что на улице еще светло и я нахожусь где-то над землей, но никак не намекает на мое географическое положение. Крепко натянутые веревки уже местами натерли, и кожа горит. Мочевой пузырь прискорбно полон. Если бы я знала, что буду похищена, обязательно воспользовалась бы туалетом.

— Ау? — кричу я.

Подозреваю, никто меня не слышит, потому что рот мне затыкать не стали, а посадил меня сюда человек неглупый. Мои подозрения подтверждаются, когда никто не приходит на мой зов.

— Пожалуйста, мне нужно в туалет, — говорю я.

Тишина заставляет волноваться больше всего.

Я не так испугана, как должна быть, но все-таки испугана, и это облегчение. Я всегда очень ценю, когда испытываю эмоции, которые, по идее, должна испытывать в текущей ситуации, — это как достать пирог из духовки и увидеть, что он в точности такой, как на картинке в рецепте.

За страхом, безусловно, следует возбуждение. Будь я снисходительнее к себе, я бы связала это с адреналином, который помогает выжить, но не уверена, что заслуживаю снисхождения. Хотя мне и страшно, но есть что-то волнующее в том, что меня привязали к стулу — как в сцене из фильма. И совершенно очевидно, кто в этой истории протагонист.

Меня беспокоит, что, когда мое тело найдут, меня сочтут недостойной оплакивания. В эту ловушку попадают все мученики социальных медиа. Сначала о твоей смерти скорбят, а потом перебирают множество причин, по которым ты заслуживала умереть.

Мне хочется верить, что я хороший человек. Я голосую на каждом выборах и забочусь об окружающей среде. У меня стикер «Блэк Лайвз Мэттер»¹ на крышке ноутбука, а еще я посылаю деньги всем пострадавшим в национальных трагедиях.

Но все это перевесит одно большое прегрешение, которое я совершила, влюбившись в серийного убийцу.

— Не говори, что ты этого не хотела, — сказала бы Меган, увидев меня. — Никто бы не сделал того, что сделала ты, если бы не считал связывание и вероятность смерти хоть немного возбуждающими.

Меган не ошиблась бы. Меня не радует перспектива умереть, но мне нравится представлять всеобщий траур. Я хочу, чтобы мое имя запомнили, в отличие от полчищ других женщин, которых жестоко убили, а потом забыли. По меньшему мере я хочу подкаст в память о себе.

¹ Black Lives Matter (англ. «Жизни темнокожих важны») — общественное движение против расизма, позднее объединило в себе иные движения в поддержку притесненных слоев населения. Появилось в США в качестве реакции на неправомерное поведение полицейских в адрес представителей темнокожего населения. *(Здесь и далее — прим. ред.)*

За дверью я слышу шум.

— Пожалуйста, помогите! — выкрикиваю я.

Несмотря на критичность ситуации, я не могу до конца поверить, что умру. Что это будет за мир без меня?

Я слишком поздно понимаю, что шум за дверью — это не мой потенциальный спаситель, а знакомые шаги человека, который привез меня сюда. Я снова натягиваю веревки — пустая трата сил. Я делаю глубокий вдох и готовлюсь к смерти.

Прежде чем влюбиться в серийного убийцу, я работала в отделе коммуникаций одной некоммерческой организации. Эту работу я нашла спустя несколько месяцев после получения степени бакалавра. Я выпустилась во время кризиса, и внезапно все «перспективы», о которых мне всегда говорили, растворились в воздухе. Фраза «*Ты сможешь заниматься чем угодно!*» превратилась в настоящие советы от родителей отправить резюме в «Таргет» или «Старбакс», что я и делала. Мне отказывали, потому что у меня не было опыта в продажах. Всем было наплевать на мой диплом по английской литературе и политическим наукам и вторую специальность по немецкому языку. Всем просто нужен был человек, способный писать код.

Предложение от некоммерческой организации в Миннеаполисе стало манной небесной. Оно позволило мне съехать из родительского дома в пригороде и зажить как псевдовзрослый человек, которым я всегда хотела стать. Я решила, что посижу на этой должности пару лет, а потом постепенно начну двигаться вверх по карьерной лестнице, пока наконец не получу работу, которую действительно хочу. Как оказалось, движение вверх невозможно. Люди, которые уже занимают высокие позиции в некоммерческих организациях, просто периодически меняются местами, как в игре в музыкальные стулья. Я безнадежно

листала каталоги по недвижимости, мечтая о доме с большим двором для собаки, хотя прекрасно понимала, что сумма на моем сберегательном счете постоянно колеблется где-то между семнадцатью и ста долларами и я никогда не смогу позволить себе даже первоначальный взнос. Я покупала рубашки за пять долларов и ела бранчи за двадцать пять, потому что они были единственной радостью в моей жизни.

Надо ли говорить, что моя мотивация в офисе была на нуле. Целыми днями я листала новостные ленты вместо того, чтобы работать. Я подписывалась на сайты со сплетнями про звезд, чтобы знать, кто с кем спит. Я читала статьи о политике (все плохо), о том, как в Соединенных Штатах относятся к эмигрантам (плохо), женщинам (плохо) и членам разных сообществ (плохо). У меня на компьютере всегда был открыт файл под названием «Текущая работа», который я намеревалась превратить в новый великий американский роман, но он неизменно оставался пустым.

По вечерам я слишком много пила и ходила на свидания с мужчинами, которые никогда меня не любят. Я не хочу сказать, что нелюбовь ко мне — это преступление, эквивалентное убийству женщин. В юридическом смысле ничего дурного даже не происходило. Никаких совместно подписанных документов, никакого общего имущества или детей, которые пострадают при распределении опеки, несправедливой для всех сторон. Лишь мое сердце — это ходячее глупое клише — было ранено, измучено и раздавлено до такой степени, что я готова была унижаться ради крох нежности.

Прежде чем я открылась Уильяму, прежде чем я узнала имена Анны Ли, Кимберли, Джилл и Эммы, я встречалась с Максом Юлипским. Реального будущего у нас с Максом не было — это я знала с самого начала, что не

мешало мне охотно прогибаться под него и раздвигать ноги.

Макс кинул меня в четверг, хотя тогда я об этом еще не знала. Макс всегда был такой — непостижимый и недоступный. Это одна из причин, почему меня к нему тянуло. Макс играл в панк-группе под названием «Ревущие Тюлени», которая очень редко репетировала и была откровенно так себе. И это второе, что мне в нем нравилось. Было очень трогательно смотреть, как он поднимался на сцену и вкладывал все свое маленькое сердечко в исполнение песенок по две минуты, которые мог бы написать старшекласник. Мне даже подарили их эксклюзивную фирменную футболку, которую изготовили в подвале дома, где Макс жил с двумя соседями. На ней был изображен тюлень в бандане. Я надевала эту футболку только в те вечера, когда Макс не оставался на ночь, чтобы он не видел, насколько я ей дорожу.

Днем Макс работал в очень дорогом специализированном магазине сыров и сэндвичей. Иногда он приносил мне маленькие кусочки сыра в пищевой пленке, и я позволяла себе отрезать понемногу, когда его не было рядом, чтобы почувствовать его вкус. У меня еще оставался сыр, когда Макс исчез. Если бы я знала, что он был последним, я бы растянула его на подольше. И держала бы в холодильнике, пока он не покроется плесенью, а потом все равно бы съела. Рискнуть пищевым отравлением ради кого-то — это знак истинной любви.

Но мы с Максом не использовали слово «*любовь*» или даже «*отношения*».

— Я не ищу ничего серьезного, — прошептал он мне на ухо, когда мы впервые оказались в постели.

— Я тоже, — сказала я, расстегивая ему штаны. Это была ложь, которую я произносила уже так много раз, что она перестала казаться ложью. Разговоры с мужчинами

стали больше похожи на зачитывание сценария, чем на обмен сокровенными тайнами.

Поскольку мне не хватало искренности, я полагала, что и ему тоже. Конечно, со временем мы бы становились все ближе и ближе друг к другу, пока с неизбежностью не стали бы парой, и тогда в порыве страсти он вынужден был бы признаться, что постоянно думает обо мне и хочет быть вместе навсегда. Только вместо этого после занятий любовью, или секса, или как ему наименее дискомфортно было называть тот животный акт, которому мы только что предавались, он говорил что-то в духе: *«Как думаешь, “Макдоналдс” еще открыт?»* или *«Можешь с утра сделать яйца, как я люблю?»*

На наше последнее свидание мы ходили в полувегетарианский ресторан, который недавно открылся в районе, охваченном стремительной джентрификацией¹. Был октябрь, и деревья хватались за последние остатки ярких цветов, прежде чем превратиться на зиму в голые скелеты.

— Как ресторан может быть полувеганским? — спросила я Макса. — Разве вся идея вегетарианства не в том, что ты целиком *за*? Хотя, наверное, скорее целиком *против*?

Он улыбнулся. Нам нем была рукодельная футболка *Fugazi* с дыркой в подмышке. Больше всего на свете я хотела, чтобы он любил меня вечно.

— Вот что я люблю в тебе больше всего, Ханна. Ты постоянно думаешь, — ответил он. При слове *«люблю»* я просияла.

¹ Джентрификация — процесс преобразования неблагоустроенных территорий в районы для жизни среднего и выше классов. Может иметь негативные последствия в виде вынужденного выселения заселявшего районы ранее населения (чаще всего цветные и т. д.).

Потом я спросила Макса, не хочет ли он вернуться ко мне, и он меня отбрил.

— У меня завтра много дел, — сказал он.

Я не стала напоминать, что он работает в сырном магазине.

— Да ладно тебе, — произнесла я своим самым соблазнительным тоном и прижалась к нему всем телом. Я хотела, чтобы моя плоть была всемогуща. Но нет.

— Извини, — сказал Макс, отталкивая меня. При этом он улыбнулся, но криво.

Отказ не так сильно бы меня расстроил, воспринимай я нас как равных. Макс все еще ездил на машине, которую родители отдали ему в шестнадцать лет, хотя вся конструкция жутко скрежетала каждый раз, когда он нажимал на тормоза. У него не было медицинской страховки, и когда об этом зашла речь, он признался, что не помнит своего последнего планового медицинского осмотра. Предполагаю, такая же ситуация была с дантистом, особенно учитывая то, что он отклонил предложение оставить у меня зубную щетку.

— Для меня это чересчур серьезно, — говорил он.

Однажды Макс объяснил, что не может пойти на нормальную работу, потому что тогда он продастся, а он слишком предан своей панк-группе. А как, хотела я спросить, ты представляешь ваши дальнейшие успехи? Если ты уже достиг всего, о чем мечтал, то что тебя тогда держит? Вместо всех этих слов я пробормотала что-то про талант.

— Я не такой, как ты, Ханна, — сказал он, заканчивая разговор. — Я просто не могу пойти на старую добрую работу.

Этот комментарий меня задел. Я действительно отказалась от творческих устремлений своего детства — театра, искусства и литературы — в пользу сорокачасовой

рабочей недели. Но мне, по крайней мере, хотелось верить, что я несу добро, работая в некоммерческой организации.

«*Буду менять систему изнутри!*» — с энтузиазмом сказала я себе, когда получила должность. И только потом поняла, что система сама медленно пожирает человека, пока он не обратится в ничто.

Я успокаивала себя медицинской страховкой со слишком высокой суммой удержания, благодаря которой недолго проходила на терапию к женщине, больше всего напоминавшей злобную училку. Также я знала, что мне регулярно капает деньги на пенсионный счет, хотя до конца не понимала, что значат эти цифры. А в те дни, когда этого было недостаточно, я находила утешение в тако-баре, однажды появившемся у нас в комнате отдыха, и поглощала кукурузные чипсы до рези в животе.

Но Макс не испытывал ко мне никакого сочувствия. С его точки зрения, это была жизнь, которую я выбрала сама, как будто в моем случае о выборе вообще шла речь.

Мне потребовалось полторы недели на осознание, что Макс меня отшил. До этого момента я носила его футболку, грызла сыр и обновляла страницы в его соцсетях, пытаюсь понять, куда он подевался. Когда он выложил афишу предстоящего концерта «Ревущих Тюленей», я наивно решила пойти, думая, что один мой вид непременно спровоцирует у него стояк.

Я надела свое любимое маленькое черное платье, которое извлекла из шкафа, заваленного маленькими черными платьями. Я выпрямила и уложила волосы и нарисовала размашистые стрелки подводкой, решив, что так я выгляжу немного как панк. Я пригласила свою лучшую подругу Меган сходить на концерт вместе, и она явилась в мою студию со своим парнем.